Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Большому урожаю — большое плавание (по Волго-Дону)!

КРОКОДИЛ

№ 20 (1310) МОСКВА 20 ИЮЛЯ 1952 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

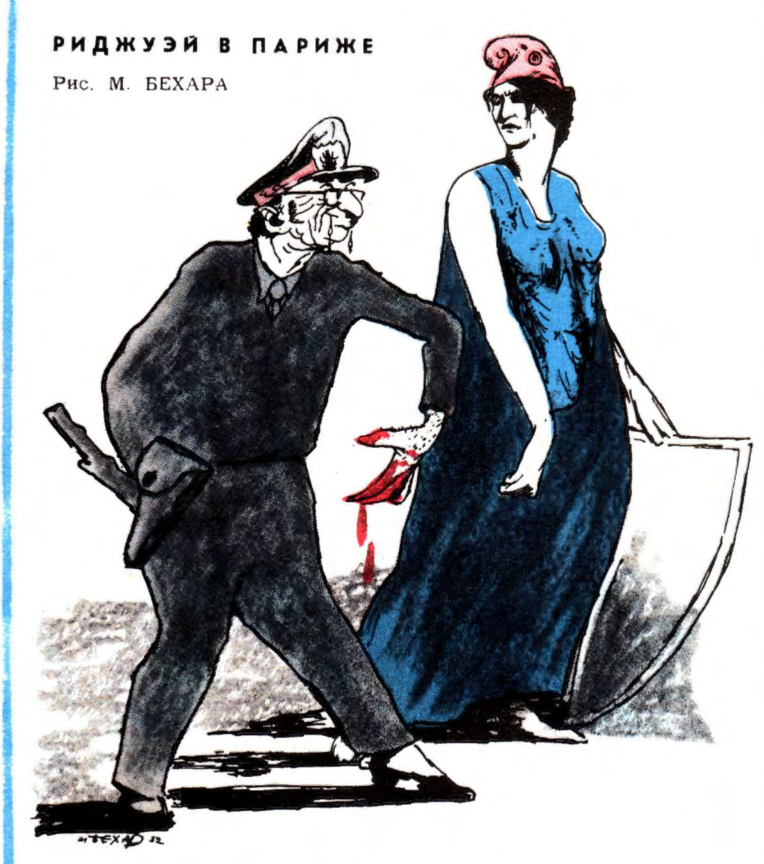
В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

(«СТЪРШЕЛ» — «ШЕРШЕНЬ» — БОЛГАРСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ)

РИДЖУЭЙ В ПАРИЖЕ

Рис. М. БЕХАРА

— Могу ли я предложить вам свою руку, мадам!
— Нет, на ней слишком много крови!

БЕСПРИСТРАСТНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ФЕМИДА

Рис. Н. МИРЧЕВА

— Весы показывают, что право на вашей стороне!

О ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ КРОКОДИЛА НА НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СПЕЦИАЛЬНОМ СОВЕЩАНИИ О КОМАНДИРОВКАХ

Крокодил. Нам предстоит разобраться в одном странном и непонятном явлении: наряду с переходом на оседлый образ жизни большинства кочевых племён одно только племя кочевников угрожающе растёт — племя командированных.

Ценные и нужные работники отрываются на долгий срок от своего основного дела. Любящие мужья и родители покидают свои семьи и месяцами находятся в невольном скитании вдали от родного очага. За чем едут они, с какой целью? Нам отвечают: была бы командировка, а повод найдётся.

К примеру, сколько времени требуется для рассмотрения годового отчёта? Несколько дней, от силы, неделя. А вот многочисленные представители сахарных заводов тратили на эту немудрёную операцию по месяцу и даже по полтора.

Голос с места. Видно, слишком сладко встретили работники Главсахара своих периферийных товарищей!

Крокодил. Возможно. Тогда чем объясните, что в Министерстве сельского хозяйства и в Министерстве угольной промышленности отдельные товарищи, вызванные с мест, находились в Москве чуть ли не по три месяца? Какая, скажите, необходимость в том, что две трети работников технического управления Министерства рыбной промышленности всё время в разъездах? Некоторые товарищи выезжали по пять—восемь раз и отсутствовали в Москве свыше двухсот дней в году.

Голос с места. Но зато какую пользу они принесли!

Крокодил. О пользе лучше умолчим. По материалам этих командировок Министерство рыбной промышленности не подняло ни одного принципиального вопроса. Получается парадокс: командировка целевая, а цель не достигнута, командировка полезная, а пользы не принесла.

Голос с места. А когда подымается принципиальный вопрос, его затирают.

Крокодил. С кем имеем честь?

Голос с места. Моя фамилия — Ризаев, я инженер азербайджанского «Госпромпроекта».

Крокодил. Можете не продолжать. Мы, кажется, знакомы. Ведь это вы специально подняли перед своим начальством вопрос о том, что вам не хватает двадцати шести рублей суточных?

Ризаев. Попробуйте вы на двадцать шесть рублей угостить всех своих друзей, желающих вам счастливого пути!

Крокодил. Но вы же нашли выход, как ликвидировать перерасход, и подделали авиабилет.

Второй голос с места. Позвольте высказаться! Моя фамилия — Аликишиев, я председатель Дагестанского обкома профсоюза медицинских работников. У нас в Дагестане есть такой Дахадаевский район, отдалённый горный район. Я пришёл в областной совет профсоюзов и прямо заявил: «Не посчитаюсь ни со временем, ни с расстоянием, пока не окажу братской помощи этому далёкому району».

Крокодил. И вы мне знакомы... Не с вами ли вместе, случайно, конечно, в Дахадаевский район выехала сессия Верховного суда Дагестана, чтобы судить вашего родного брата — врача — за незаконный аборт? Тогда нужно отдать должное: вы с честью выполнили своё обещание и действительно оказали братскую помощь. Только благодаря вам суд вынес брату условное наказание.

Аликишиев. Всё верно. И что же? Тот же областной совет профсоюзов упрекнул меня в том, что я, мол, несерьёзно отнёсся к выполнению его поручений. Но я на эти комариные укусы не обратил внимания.

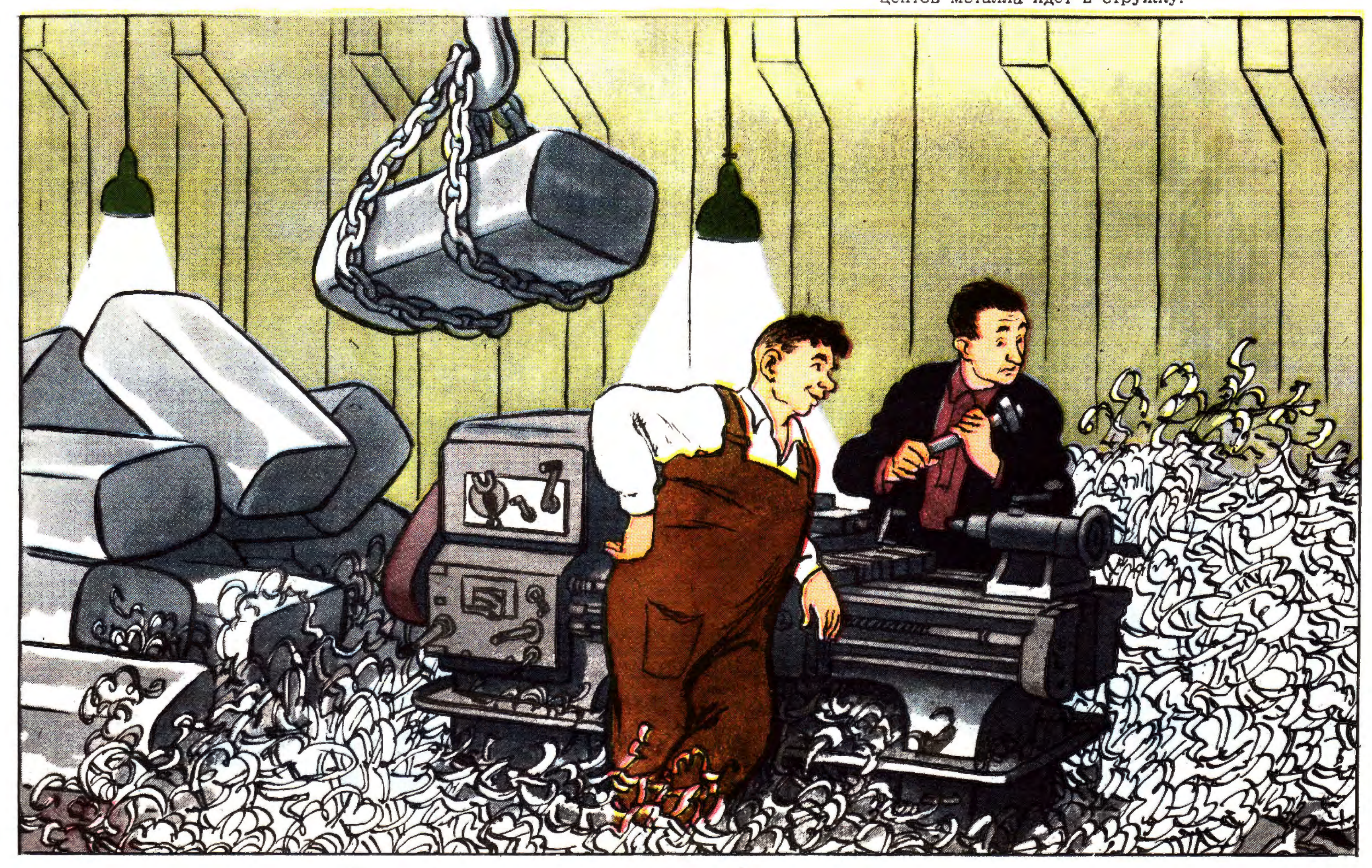
Крокодил. И это мне известно. Когда по протесту прокурора республики вашего брата приговорили к пяти годам лишения свободы, вы, воспользовавшись тем, что вам предстояло участвовать в пленуме ЦК профсоюза, выехали в Москву. Выехали за две недели до пленума и пробыли там после пленума ещё две недели. Все эти дни вы, как подобает настоящему брату, посвятили тому, что по его делу от имени обкома профсоюза писали жалобы в Верховный суд РСФСР.

Аликишиев. Золотые слова! И после этого меня ещё упрекают в том, что мои командировки неконкретны! И не только упрекают, но и преследуют. Совсем недавно я поехал в Буйнакск помочь в организации пионерского лагеря. Даже ребёнку известно, что открытие лагеря — событие радостное. Имел я право на радостях выпить? У начальника буйнакской милиции, видите ли, своё особое мнение, и, едва я выпил и малость порезвился, он препроводил меня в милицию, где я провёл ночь. Где же правда? Я жду ответа!..

Крокодил. Наше совещание приняло неожиданный оборот. Поднятые товарищами из Баку и Махачкалы вопросы заслуживают самого пристального внимания. Поэтому есть предложение: временно прервать совещание с тем, чтобы снова вернуться к затронутому вопросу о командировках во всём его объёме в соответствующих инстанциях.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

В автоматическом цехе Ярославского автомобильного завода при изготовлении деталей 70 процентов металла идёт в стружку.

— Почему ты не экономишь металл!
— А зачем его экономить, когда у нас на заводе большой запас!

ВЕСЕЛАЯ ПОЕЗДКА

В ЧУДЕСНЫЙ майский день помощник заместителя председателя Грозненского облисполкома Иван Тимофеевич Леженин объяснял по телефону недостаточно понятливому собеседнику:

— Повторяю, командировочное удостоверение и деньги обязательно брать. Об остальном расскажу подробнее после... Да, да, завтра утром...

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Шофёр тревожно поглядывал на небо и говорил:

— Как бы не застрять, Иван Тимофеевич. Бензинчику в запас взять бы.

— Не трусь, со мной не пропадёшь!

Вскоре подошло ещё несколько человек. Все с портфелями, узлами, баулами. Уселись в машину. И Леженин отдал команду:

— Полный вперёд! В станицу Петропавловскую!

Машина быстро вышла на загородное шоссе. Иван Тимофеевич попытался запеть «Однозвучно звенит колокольчик». Но голос срывался, и пришлось закончить строфу речитативом.

— Вы, Иван Тимофеевич, уже малость того...— робко заметил один из спутников.

— Да, на дорогу, для вдохновения, так сказать. Как это там у Бетховена? «Бездельник, кто с нами не пьёт...»

Путь недалёк. Машина влетает на широкую улицу станицы, и опять раздаётся хрипловатый голос Ивана Тимофеевича:

— Стоп! Приехали! Теперь я, как председатель комиссии, пойду вперёд, а вы следуйте за мной!

И он решительно двинулся к небольшому зданию, над которым красовалась вывеска: «Буфет-закусочная».

Один из спутников робко спросил:

— Иван Тимофеевич, а может быть, сперва в колхоз? Сообщим по всей форме, что, мол, так и так...

— Нет, с этим успеется.

Ему не возражали. Закусочная оказалась закрытой, и приезжие взяли курс на станичный универмаг.

В магазине продавец окинул взором новых посетителей и указал на полки, забитые всевозможными товарами:

— Что угодно? Рекомендую прекрасный крепдешин. Возьмите жене на платье.

— Нет, брат, нам более тонкий материал нужен,— возразил Иван Тимофеевич и жестами досказал, что именно он имеет в виду.

— Это у нас есть,— сказал продавец.— Но в магазине не разрешается.

— А ты что, не видишь, кто приехал? Мы, брат, вам тут всем покажем! Понятно?..

Час спустя вся весёлая компания покинула магазин и шумной ватагой ввалилась в кабинет председателя колхоза «Новый быт» тов. Горина.

— Так вот я, значит, председатель,— не совсем твёрдым голосом представился Иван Тимофеевич.— А это Саранчин — старший инструктор-бухгалтер областного управления сельского хозяйства. А это ветеринарный инспектор Ковалёв. Вот мы все и есть комиссия!

— Какая комиссия?

— Вот попадёт тебе, тогда и узнаешь, какая комиссия! Обязательно попадёт за беспорядок!..

— Какой беспорядок?

— Ага, не знаешь! Где тёлка?..

После длинных и туманных объяснений председатель колхоза наконец понял, чего от него хотят. И сказал:

— Да, такое нарушение у нас действительно было: ветврач Гавриш держал одно время в колхозном стаде собственную тёлку, но она давно зачислена в собственность артели.

Разговор кончился тем, что председатель комиссии заявил:

— Я хочу видеть эту тёлку!

— Она в бурунах. Туда более ста километров.

— Хоть на Северный полюс!..

Путь к далёким отгонным пастбищам прошёл без особых приключений, если не считать затянувшейся по приказанию Леженина остановки в станице Чевленной.

— Заполнить посуду! Пустой тары не возить!

Когда прибыли в буруны, Леженин заявил представителям колхоза:

— Всем посторонним немедленно покинуть машину! Остаются только члены комиссии. Посовещаемся...

Что было дальше, члены комиссии не помнят. Только залитые вином подушки сидений да пустой бидон из-под вина говорят о характере надолго затянувшегося совещания...

Как и предполагал водитель, бензина на обратный путь не хватило. И Леженин обратился к колхозному кладовщику:

— Заправь, голубчик.

— За наличный расчёт или как?

— Никаких расчётов! Я комиссия!

— Не могу. Это — нарушение устава.

— Так мы же по этому самому вопросу и приехали...

Споры были недолгими. Комиссия забрала из колхозного склада сорок килограммов бензина и укатила. По дороге Леженин говорил:

— Славно съездили. Всё в корне пресекли...

П. ИМШЕНЕЦКИЙ

г. Грозный.

Значки на память

Моих знакомых несколько удивляют значки, которые украшают левый борт моего пиджака. Что это за значки, откуда они, почему их так много? Зачем я их ношу?

Дело в том, что с каждым значком у меня связано определённое воспоминание. Я вспоминаю многих иностранных гостей, с которыми мне довелось встречаться.

Нет, нет, я не дипломат. Просто мне пришлось вести концерты ансамблей стран народной демократии, и эти значки подарены мне моими новыми друзьями. С каждым из них связана маленькая история.

Вот это значок польской промышленной выставки 1949 года.

В один из летних дней того года мне сказали: «Сегодня открывается польская выставка, и на открытии будет выступать польский ансамбль песни и танца. Вы должны вести этот концерт. Поезжайте в гостиницу «Метрополь», к художественному руководителю ансамбля, и уточните программу».

Профессор Иозеф Лясоцкий — маленький, толстый, весёлый человек с чёрными усиками, чрезвычайно подвижной, — как мячик, катался по большому гостиничному номеру.

Мы церемонно представились друг другу и тут же убедились, что наши знания языков (моё — польского, а профессора — русского) примерно одинаковы. Он знал несколько русских слов, а я всего два польских слова: «проше пана». Нам было абсолютно ясно, что этого словесного багажа вряд ли хватит, чтобы уточнить программу концерта.

Мы объяснялись преимущественно жестами. Собственно говоря, действовал один профессор Лясоцкий. Он плавно плыл по номеру, напевая танцевальную мелодию. «Оберек», — говорил он, а я записывал. После этого профессор пускался вскачь, высоко вскидывая ноги, как бы позвякивая в воздухе невидимыми шпорами: «Мазурка»...

Пришедший переводчик застал следующую картину: Иозеф Лясоцкий, сбросив пиджак, изображал целую танцевальную сцену «Свадьба в Шамотулах». Он показывал поочерёдно смущённую невесту, радостного жениха и даже подвыпившую тёщу.

Вечером в Центральном парке культуры и отдыха состоялся первый концерт. Объявляя номера программы, я не допустил ни одной ошибки и отношу это за счёт великолепных мимических способностей профессора Иозефа Лясоцкого. На Белорусском вокзале при расставании он и подарил мне этот значок.

А вот это значок «Конфедерации Дженерале Мунчи» — Всеобщей конфедерации труда Румынской Народной Республики.

Первые румынские слова, которые я выучил, были «кончертуль сатерминад» — «концерт окончен». Сейчас я знаю несколько больше слов, но первыми были именно эти.

Концерты ансамбля румынской песни и танца я вёл не один, а вместе с румынской актрисой Авророй Элиад. Она объявляла номера по-румынски, а я «переводил» то, что она говорила, на русский язык, то есть всё содержание концерта заранее было записано у меня в блокноте.

В программу был включён финальный хор из оперы Глинки «Иван Сусанин». И вы не можете себе представить моего удивления, когда я услышал, что Аурора Элиад спокойно объявила по-русски: «Славься!» из оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин». Я растерялся, так как переводить было нечего. Оказалось, что она знала русский язык не хуже меня.

После этого концерта она приколола к борту моего пиджака значок.

Рядом значок албанских пионеров. Подарила мне его Николетта Поппи, солистка ансамбля танцев города Тираны.

Николетте во время пребывания ансамбля в Советском Союзе было одиннадцать лет, и вместе со своим партнёром, двенадцатилетним Гзымом Кацелли, она танцевала белорусский народный танец «Крыжачок».

Я познакомился с ней в момент, когда в её жизни произошёл трагический случай. Объявив один из номеров концерта, я услышал за кулисами всхлипывания. Подойдя к месту, откуда они неслись, я увидел сидящую на полу маленькую босоногую девочку, которая ревела в три ручья; тут же суетился вконец расстроенный мальчик.

С трудом мне удалось понять причину происходящего. Выступали мы в «Эрмитаже», а за кулисами, во дворике, была большая, оставшаяся от недавно прошедшего дождя лужа, очень заманчивая и соблазнительная для солистов балета в возрасте от 9 до 12 лет. Николетта не удержалась и несколько раз босыми ногами прошлёпала по воде. Но после этого сапожки для «Крыжачка» ни за что не хотели налезать на мокрые ноги. Солистка рыдала, а её партнёр подозрительно подёргивал носиком. Сольные рыдания грозили перейти в своеобразный дуэт.

Подхватив солистку на руки, я потащил её в костюмерную. Там ей насухо вытерли ноги, надели на них чулки, ноги вошли в сапожки, и через несколько минут Николетта Поппи и Гзым Кацелли лихо отплясывали «Крыжачок».

Расскажу историю следующего значка.

Недавно я узнал, что первое место на смотре самодеятельности болгарского города Пловдива занял ансамбль под руководством рабочего табачной фабрики Богдана Балабана.

Этот ансамбль был у нас в 1950 году. Богданом Балабаном нельзя было не залюбоваться. Весёлый кудрявый юноша, с чудесной улыбкой, великолепно танцевал болгарский народный танец «Хора» вместе со своими партнёрами Чимшаном, Твердиевым и Чешмерджиевым.

Надо сказать, что каждый приезжающий к нам ансамбль, каждый участник его прежде всего стремится осмотреть Москву. Люди с благоговением идут по Красной площади, прислушиваются к мелодичному звону кремлёвских курантов, знакомому им по радио.

Болгарский ансамбль побывал и в Большом театре на балете «Лебединое озеро».

«Вам понравился балет?» — спросил я у Богдана Балабана. Он посмотрел на меня и отрицательно покачал головой. Честно говоря, я несколько обиделся. «Вы, наверное, видели балет лучше и балерину интереснее нашей Улановой?» Последовал утвердительный кивок головой.

Но глаза... глаза Богдана Балабана выражали нечто противоположное. Его восторженные глаза говорили мне, что не видел он балета лучше и театра красивее.

Разгадка оказалась очень простой. Выяснилось, что наш отрицательный жест в Болгарии является утверждающим, а кивок головой там означает краткое энергичное слово «нет». Таково было маленькое недоразумение, происшедшее между мной и Богданом Балабаном. Это он и подарил мне на память значок с портретом Георгия Димитрова.

Самым сложным для меня было вести концерты ансамбля китайской молодёжи, который показал у нас очень интересную программу.

Многие видели выступление этого ансамбля и, вероятно, помнят драму «Седая девушка», авторы которой удостоены Сталинской премии, и чудесный танец с лентами, и сцены из старинной китайской оперы «Санчакоу» — «На перекрёстке», — в которой три великолепных актёра Чжан Чунь-хуа, Чжан Шитун и Чжан Юн-цы, показывали чудеса пантомимы, акробатики и драматического искусства.

Я провёл около тридцати концертов ансамбля и каждый раз из-за кулис с большим интересом смотрел все номера. Но первый концерт для меня был очень и очень трудным. Припоминаю такой случай: после третьего номера я почему-то решил, что техника «перевода» с китайского на русский мной освоена. Когда Су-Чан заканчивал своё объявление, я глубокомысленно глядел вверх, как бы переводя то, что говорил Су-Чан. После этого я кивал головой, «подытоживая» перевод, и, одним глазом заглядывая в блокнот, рассказывал зрителям, что последует дальше.

Во время первого антракта ко мне пришли знакомые и долго удивлялись моим глубоким познаниям в китайском языке. Я скромно молчал, не желая раскрывать производственных секретов. Но вскоре всё обнаружилось.

В конце второго отделения Су-Чан почему-то произнёс длинную речь. Перевести её я, естественно, не мог и растерянно сказал только то слово, которое было у меня написано, — «антракт».

В зрительном зале поднялся хохот. Все присутствующие поняли, что всю длинную речь Су-Чана вряд ли можно было перевести одним словом «антракт».

Тут на сцену вышел переводчик. Настоящий переводчик. Оказалось, что Су-Чан от имени ансамбля благодарил собравшихся за горячий приём.

А приём был действительно горячий. Когда концерт окончился, то и участники его и зрители пошли вместе из клуба к гостинице «Москва», в которой остановились гости. За мою руку держалась маленькая китаянка Лин Мин-чжень. К ней очень подходило это имя, ибо в переводе на русский язык оно значило «ясная жемчужина». Около гостиницы я подарил ей свой маленький значок, а она мне свой.

Теперь мои знания иностранных языков несколько расширились. Если китайские товарищи говорят мне «Федол тунже», то в переводе на румынский язык это будет «товарищуль Тудор».

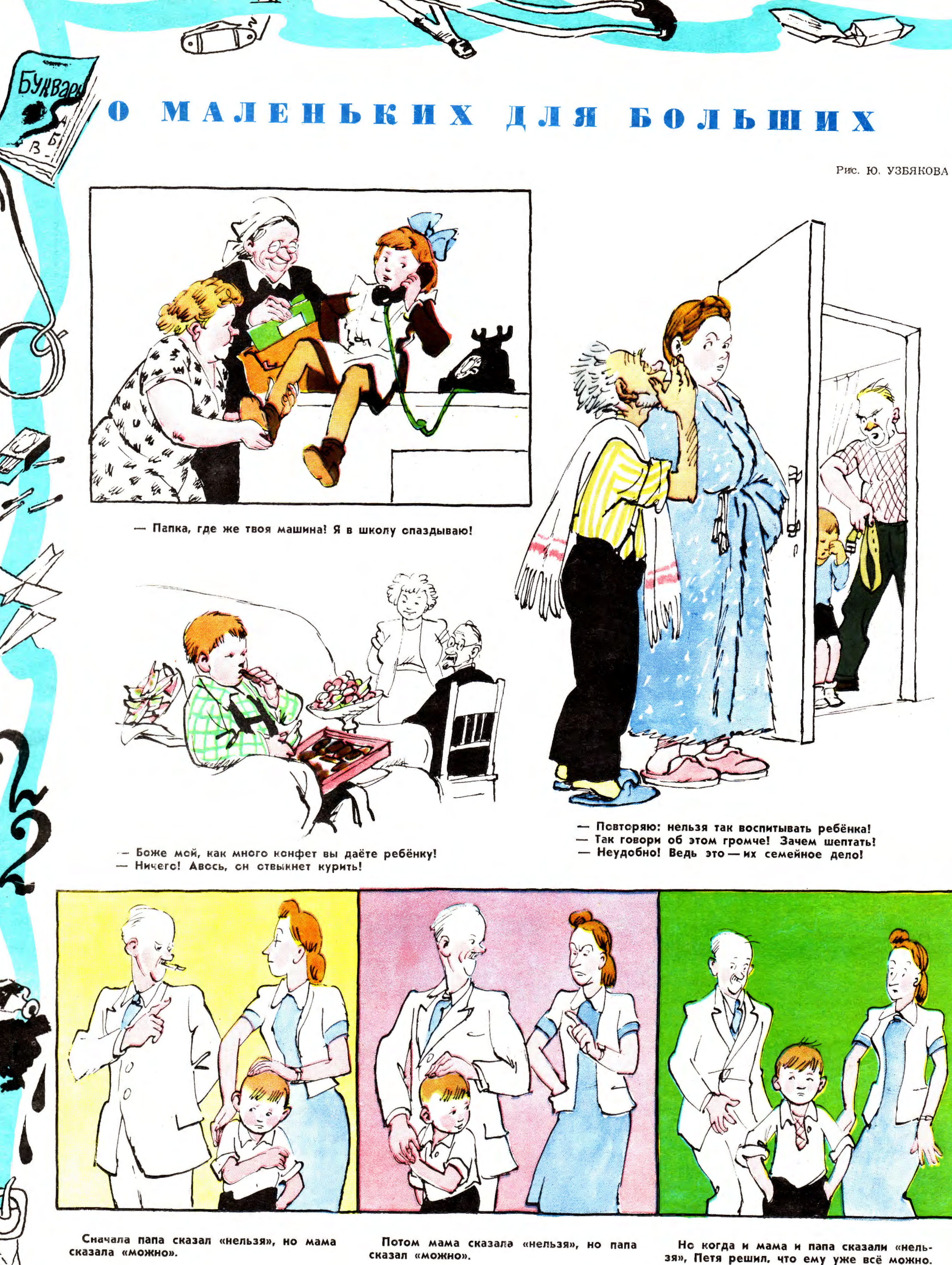
Я могу поздороваться с вами по-китайски («нихао»), пожелать доброго дня по-румынски («буня сяра») и попрощаться по-венгерски («висонт латашро»).

И на всех языках стран народной демократии я знаю два простых и великих слова. Они звучали в песнях каждого ансамбля. Эти слова — «дружба» и «мир».

Фёдор ЛИПСКЕРОВ

О МАЛЕНЬКИХ ДЛЯ БОЛЬШИХ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— Папка, где же твоя машина! Я в школу опаздываю!

— Боже мой, как много конфет вы даёте ребёнку!
— Ничего! Авось, он отвыкнет курить!

— Повторяю: нельзя так воспитывать ребёнка!
— Так говори об этом громче! Зачем шептать!
— Неудобно! Ведь это — их семейное дело!

Сначала папа сказал «нельзя», но мама сказала «можно».

Потом мама сказала «нельзя», но папа сказал «можно».

Но когда и мама и папа сказали «нельзя», Петя решил, что ему уже всё можно.

Григорий ПАНТЮШЕНКО

ДРОЗД-ПОДХАЛИМ

(БАСНЯ)

Назначили на днях Дрозда
Директором «Стройремгнезда».
Сказать по правде — не велик
и пост,
Но как заважничал наш Дрозд!

Идёт он по лесу, не замечает
Ни воробьёв проворных, ни синиц,
Ни прочих мелких птиц
И даже на поклоны их
не отвечает.

Но вот внезапно за бугром,
Раздвинув тощий тальник,
Из главка птичьего начальник —
Скворец возник перед Дроздом.

Что стало вдруг тут с гордецом!
Как он запрыгал, заюлил перед
Скворцом!

Он сразу ростом ниже стал.
Куда девалась спесь?
Он лебезил, он чуть дышал,
И только слышалось:
— Есть, есть...

Узнают те себя здесь или нет,
С кого написан сей портрет?

Руководители ленинградской обувной фабрики «Скороход» на выставках представляют много хороших моделей обуви, но в действительности часто выпускают продукцию, не пользующуюся спросом у населения.

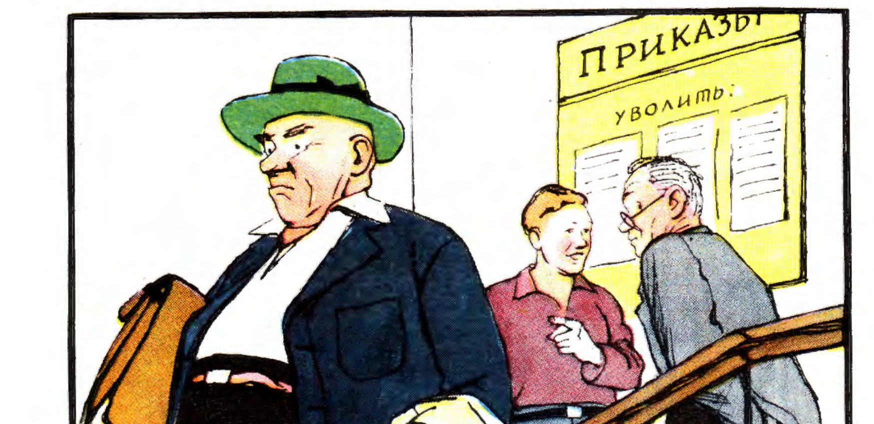
Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Стенд обуви высшего качества.

Стенд обуви низшего качества.

С КУМОВСТВОМ ПОКОНЧЕНО

Рис. Е. ГОРОХОВА

— Почему наш директор такой свирепый!
— Развёлся с женой и теперь увольняет с работы всех её родственников!

Дружными усилиями

ОДНАЖДЫ лебедь, рак да щука... то бишь, однажды Сумской строительный трест, гидромелиоративная контора да контора «Сельэлектро» взялись за строительство Знобь-Новгородской ГЭС. Разница здесь лишь в том, что лебедь, рак и щука тянули воз одновременно в разные стороны, а три почтенных учреждения тянули строительство ГЭС по очереди в разное время в одном направлении.

Первым в 1948 году за строительство взялся строительный трест (руководитель — тов. Майский), пославший начальником строительства некоего Филина. Торжественно пообещав, что электроэнергия будет дана через три месяца, Филин направил всю свою энергию на поглощение спиртных напитков. Через некоторое время он положил в свой карман 80 тысяч рублей казённых денег и, забыв попрощаться, уехал в неизвестном направлении. Гидромелиоративная контора (начальник — тов. Терещенко), сменившая облстройтрест, послала на стройку нового начальника — Футанова. Последний питал к спиртному не меньшую привязанность, чем его предшественник, и потому строительство ничего не выиграло от такой замены.

В 1950 году строительство было передано в третьи руки — конторе «Сельэлектро» (руководитель — тов. Битюков). Возглавивший стройку инженер Семёнов, в отличие от прежних начальников, развил необыкновенные темпы и, не обращая внимания на качество работ, повёл строительство к быстрому концу. В ноябре 1951 года «Сельэлектро» бодро отрапортовало в Киев:

— Гидростанция дала ток. Строительство счастливо завершено.

Но едва успели прочесть в Киеве рапорт, как небольшой паводок легко прорвал плотину и унёс часть водосливного моста...

...На том месте, где когда-то было собрано для электростанции более трёх миллионов кубометров воды, теперь мирно пасётся скот, пощипывая зелёную травку.

Так четыре года тянули строительство ГЭС три почтенные организации, а результат куда хуже, чем у лебедя, рака и щуки: те, по крайней мере, не пустили по воде сотни тысяч государственных денег.

В. МОРОЗОВ,
Ф. ГОЛУБОВСКИЙ

с. Знобь-Новгородская,
Сумской области.

Не по гостю встреча

РЖАНОЕ поле начинается тут же, за полотном железной дороги. Оно очень хорошо просматривается с главной улицы посёлка Лунино — районного центра Пензенской области. Когда дует лёгкий ветерок, это поле сразу преображается: становится волнистым, будто живым так и кажется — пусти сюда лодку, и она начнёт колыхаться вверх и вниз по золотистым волнам необычного моря.

Вместе с ветром по посёлку распространяется запах созревающих хлебов, а в уши так и лезет настойчивый, словно предупреждающий крик перепелов:

— Жать пора!.. Жать пора!..

Вечером и ночью, когда затихают людской говор и машинный треск, перепелиное пение становится ещё слышнее. Теперь уже не отдельные голоса, а целые ансамбли твердят одно и то же:

— Жать пора!.. Жать пора!..

Перепел — небольшая полевая птица, и его назойливое напоминание «жать пора» никак не может служить авторитетным указанием к началу жатвы. Лунинские районные руководители и без подсказки пернатых прекрасно разбираются во всех тонкостях сельскохозяйственного производства. Они сами докажут любому и всякому, когда надо пахать и когда сеять.

Словом, к уборке нового урожая в Лунине начали готовиться загодя, когда рожь ещё только-только выколашивалась. С тех пор и по сей день в посёлке только и слышно:

— С почётом встретим богатый урожай!

...В Лунинской МТС ворота распахнуты сразу с двух сторон усадьбы. Через эти ворота навстречу родовитому гостю должны выйти эмтээсовские комбайны. На них возложена почётная задача — первыми встретить урожай на колхозных полях.

— И мы его встретим, будьте спокойны! — бодро заверил главный инженер Лунинской МТС тов. Зуб. — Можем хоть сейчас в поле выезжать.

Тов. Зуб вынул из кармана обтирочные концы, повалял их в руках и взглядом показал куда-то во двор. А на дворе вдоль и поперёк без малейшего намёка на какой-либо порядок уныло стояли те, которым надлежало первыми встретиться с тучным урожаем, — комбайны. Возле них и под

ними в одиночку и кучами покоились отдельные детали и целые машинные узлы.

— Но ведь многие машины ещё не готовы к выходу в поле! — удивились мы.

— Это не страшно! — отмахнулся тов. Зуб. — Как-нибудь справимся. Только вот задача: не ко всем машинам есть запасные части. Получим мы их или нет, пока неизвестно... Ну, да ничего! Может, и получим... В общем, беспокоиться не о чем, урожай встретим!..

Последние слова неунывающий тов. Зуб произнёс более чем смело. Ведь до начала косовицы оставались считанные дни, а в Лунинской МТС добрая треть комбайнов, говоря языком моряков, всё ещё стояла на приколе.

Кстати, подобное благодушное настроение присуще не только руководителям МТС. Когда мы посетили председателя исполкома райсовета тов. Мельситова и поделились с ним всем виденным и слышанным в Лунинской МТС, он, нимало не смутившись, спросил:

— А в других машинно-тракторных станциях нашего района вы были? В Ивансырсинской, например? Там ещё хуже: половина комбайнов вовсе не отремонтирована.

И, утешая самого себя, тов. Мельситов добавил:

— Ничего! С урожаем мы всё-таки справимся! У нас опыт есть!

Как, располагая только опытом и неотремонтированными комбайнами, тов. Мельситов намеревается провести жатву, оставалось неясным. Уж не по способу ли «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!»

...О богатом урожае поговаривают и в Лунинской автоколонне «Союззаготтранса». Этой организации надлежит, что называется, со всеми удобствами доставить урожай с колхозных токов к месту его дальнейшего расквартирования — на элеваторы и ссыпные пункты.

— Ох, не справимся мы с перевозкой урожая! — сокрушается заместитель начальника автоколонны тов. Кондраков. — Ох, и хлебанём горюшка!

И, поочерёдно подгибая пальцы сперва на одной, потом на другой руке, тов. Кондраков поведал «нам печаль свою великую»:

— Запасных частей нет — раз, не хватает водителей — два, область не даёт нарядов на капитальный ремонт машин — три, не составлен план перевозок хлеба — четыре...

Когда пальцы обеих рук были полностью подогнуты, а сиротские жалобы исчерпаны, тов. Кондраков подвёл итог:

— Треть автомашин работать не будет.

Следует заметить, что и этот нерадостный итог нисколько не смутил руководителя исполкома райсовета тов. Мельситова.

— Будем изворачиваться, — заявил он. — Разве, кроме автоколонны, у нас в районе ещё нет машин? А в организациях? А в учреждениях? Вынесем решение. Мобилизуем. Организуем... словом, не впервой. Вывернемся...

Чувствовалось по всему, что тришкин метод латания дыр как-то особенно нравился тов. Мельситову...

Наконец мы посетили, так сказать, квартиру будущего урожая — Лунинский пункт «Центрозаготзерно». Найти этот пункт было не так уж трудно. Как раз шла перевозка старого зерна, и вся дорога, по которой ходили машины, была основательно усеяна злаками.

Директор пункта тов. Эдель гостеприимно показал нам свои владения. Владения у него немалые. Но в какое бы хранилище мы ни заходили, почти в каждом из них лежало прошлогоднее зерно.

— А где же, извините, помещеньице для нового урожая? — поинтересовались мы.

— Нету, — развёл руками тов. Эдель. — Почти все складские ёмкости забиты старым зерном. Могу принять только сорок процентов урожая.

— А куда же ссыпать остальные шестьдесят?

— Не знаю. Некуда. Запасных помещений нет. Разрешения на открытие глубинных пунктов пока тоже не имеется... А впрочем, такая картина повторяется каждый год. Нужно ссыпать зерно, а некуда. И тогда наезжают представители из области, ищут годные и негодные помещения, требуют, ругаются. Ведь о заготовках вспоминают тогда, когда уже идут заготовки!

...По улицам посёлка распространяется густой запах созревающих хлебов. Лёгкий ветер доносит сюда настойчивые крики перепелов:

— Жать пора!.. Жать пора!..

Это вестники нового урожая возвещают о его приближении. Но в Лунинском районе не очень-то радушно готовятся к встрече почётного гостя.

И. КОСТЮКОВ

пос. Лунино,
Пензенской области.
Июль.

Рис. Б. ФРИДКИНА

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР АГРЕССОРОВ

Сначала дюжие канадские солдаты дрались кулаками, потом поясными ремнями.

Процедура схватки была заурядной. Вечером 18 мая, после возвращения с манёвров под Ганновером, канадские солдаты направились, как говорится, прямо с корабля на бал, то есть в кабаки. Отсюда, уже изрядно пьяные, они двинулись на улицу и затеяли спор с большой группой гражданских лиц.

Вскоре на ганноверской Гамбургштрассе возникли два очага ожесточённой массовой драки. Приблизительно 60—70 пьяных канадских солдат-оккупантов вели жаркий кулачный бой с неустановленным числом штатских немцев. Драка осталась незавершённой из-за вмешательства полиции.

Следует отметить, что ганноверское побоище с членовредительством и ранениями протекало всё-таки на некотором «идейном» уровне, ибо у каждого солдата в боковом кармане торчала нравоучительная брошюра-памятка канадского министерства обороны под заманчивым заглавием «В Европу!».

Эта душеспасительная памятка, снабжённая лирическим предисловием самого министра обороны Клакстона, сочинена с благой целью—пленить, очаровать и размягчить ожесточившиеся сердца всех западных европейцев.

Например, насчёт немцев брошюра-памятка даёт такой наказ: «Для того, чтобы немцы стали нашими друзьями и союзниками, мы, канадцы, должны заслужить их уважение...» Нет сомнения, что украшенные синяками ганноверцы пребывали в восхитительном уважении перед канадскими кулаками.

Авторы назидательного пособия, опасаясь беспощадной ненависти миролюбивого населения Западной Европы, преподносят канадскому солдату-оккупанту многочисленные советы на темы, как приличнее вести себя в чужом доме, что можно там делать и чего нельзя.

Брошюрка напоминает, что очень много союзных солдат, находящихся на службе в Западной Европе целые месяцы и годы, не составило себе хорошей репутации и их глубоко ненавидит гражданское население. И памятка подробно описывает сцены развязной частной жизни и все виды бесчинств, практикуемых союзными солдатами в Западной Европе, но лакейски умалчивает, что речь идёт об американских солдатах.

Канадские собратья американских империалистов призывают своих солдат, отправляемых на постой в Западную Европу, не подражать американским солдатам, не напиваться и не затевать драк. Они рекомендуют солдатам не проводить всё своё отпускное время в парижских ночных клубах; не соблазняться обманчивым французским вином, три—четыре стакана которого могут легко уложить под стол; не забывать отдавать почести флагам союзных стран; не позволять себе с европейскими девушками вольностей, которым обучают голливудские фильмы, и т. п.

С чего бы это? Ответ можно найти в самой брошюре. Канадские правители вынуждены признать в брошюре, что «если народы Западной Европы дойдут до такого состояния, что начнут ненавидеть войска своих союзников, то всё здание Северо-атлантического союза рухнет».

Канадские компаньоны американских поджигателей войны исправно поставляют пушечное мясо не только налево, но и направо—не только на запад, но и на восток. Однако сочинители памятки объявляют ошибочным представление некоторых солдат, будто они оказывают европейцам благодеяние, становясь элементом «обороны Европы».

«Не вводите себя в заблуждение такими мыслями,— предостерегает памятка,— вы никому не оказываете благодеяния, кроме как своей стране. Вы защищаете Канаду, и вы должны быть благодарны географии (?!) за то, что можете защищать Канаду за 3 000 миль от наших собственных берегов».

И близорукие правители Канады цинично внушают своим солдатам мысль, будто Западная Европа—это всего-навсего захудалый заезжий дом.

«Помните,— говорится в брошюре,— что среди народов Западной Европы с 1939 года непрерывно живут иностранные солдаты... Этим народам во многих отношениях надоело, что их всё время окружают иностранные солдаты. Это легко понять...»

Но тут же канадским солдатам втолковывается: как это хорошо, что постоялый двор расположен в чужой и далёкой Западной Европе:

«Представьте себе, что ваш собственный родной город—Монреаль, Эдмонтон, Ориллиа или Ванкувер—переполнен более двенадцати лет итальянскими, французскими или английскими войсками; предположите, что они реквизируют ваши лучшие отели, отнимают у вас самых красивых девушек, устраивают скандалы в ваших любимых пивных и вообще нарушают вашу нормальную жизнь; представьте себе, что после двенадцати лет такой жизни иностранные солдаты начали прибывать в ваш родной город в ещё большем количестве. Признайтесь, вам бы это порядком надоело...»

Однако вдохновлённые агрессивными североатлантическими чувствами канадские солдаты не внемлют мольбам начальства. Они ведут себя так же, как и янки, и над спинами западноевропейских граждан часто свистят поясные ремни оккупантов.

Брошюра-памятка содержит несколько укоризненных карикатур, на одной из которых изображена сцена, где местные жители вышибают солдата-оккупанта общепринятым международным способом из ночного клуба во Франции.

Символическая карикатура!..

М. ПОЛИКАНОВ

ФАКТ НАЛИЦО

Рис. Ю. ГАНФА

Правительство Японии заключило «мирный договор» с гоминдановцами.

— Итак, договор между нами подписан!

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Американская авиация подвергла жестокой бомбардировке корейские электростанции на реке Ялуцзян.

Опасное прикосновение к источнику электричества.

ДОИГРАЕТСЯ

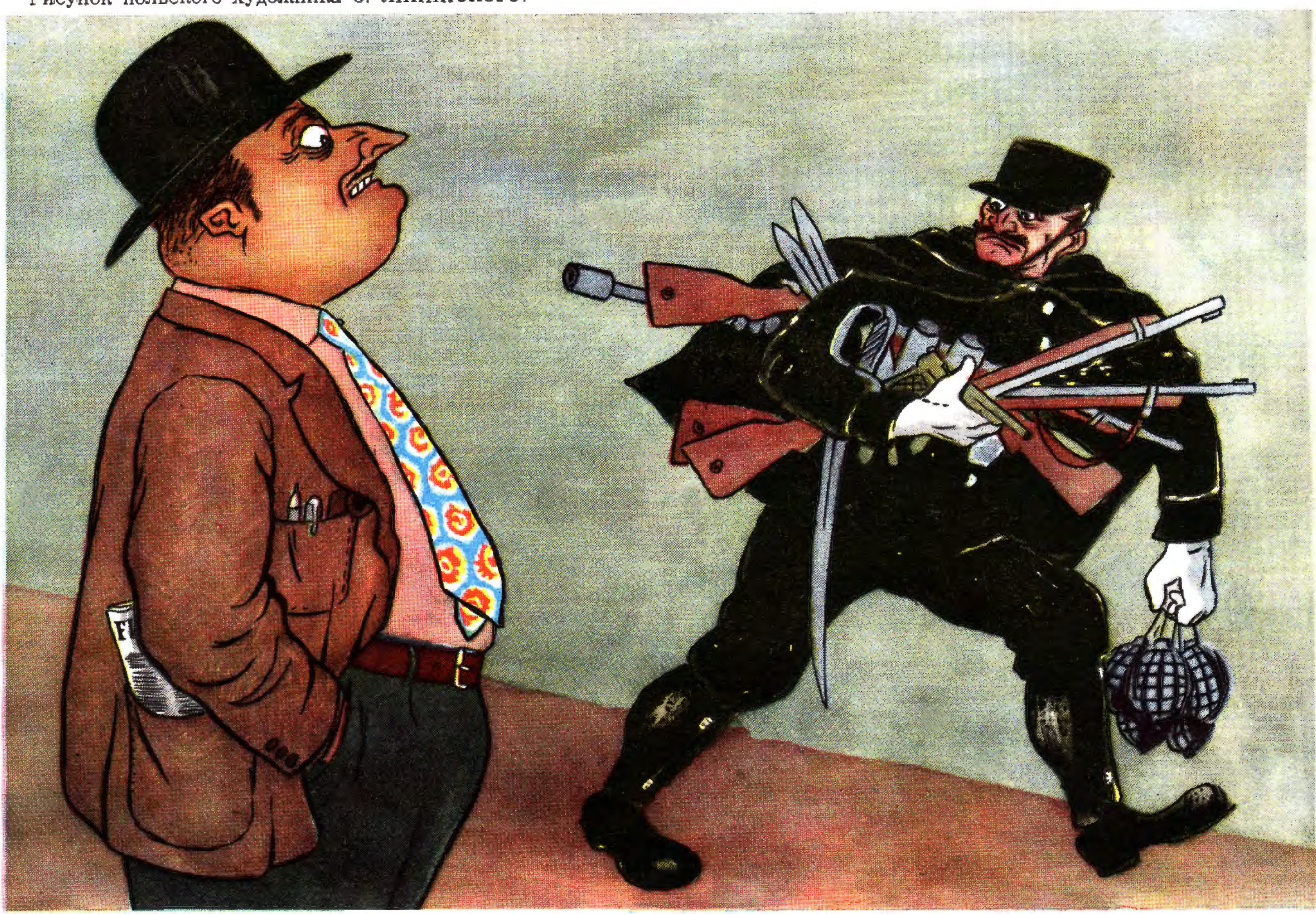
Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Что это наш питомец так разошёлся!
— Играет!

ПАРИЖСКИЕ ПРОВОКАЦИИ

Рисунок польского художника Э. ЛИПИНСКОГО.

— Что ты несёшь!
— Оружие, которое мы должны будем обнаружить у арестованного коммуниста!

ОТГОЛОСКИ ПОДГОЛОСКОВ

28 мая был арестован генеральный секретарь французской коммунистической партии Жак Дюкло. 2 июля агентство Франс пресс со скрежетом зубовным сообщило, что сотни парижан восторженно встретили Дюкло у тюрьмы «Санте».

С момента ареста Дюкло буржуазная французская печать предалась вакханалии клеветы и злорадства. «Это — только начало!» — хором завизжали журналисты. Действительно, это было начало. Прошло немногим больше месяца, и обвинители Дюкло почувствовали, что дальше гнуть свою кривую линию невозможно: как бы, чего доброго, не пришлось поменяться с обвиняемым ролями! Генерал Риджуэй с подозрительной поспешностью улепетнул из Франции в «инспекционную поездку». Со всей земли в Париж слетались письма, от которых у обвинителей по коже бегали неприятные мурашки. Наконец вечером 1 июля состоялось печальное четырёхчасовое заседание следственной палаты, на котором решено было освободить Жака Дюкло.

Разгулявшиеся было буржуазные журналисты мрачно и, так сказать, на полувизге прикусили языки. С одной стороны, они получили американский аванс за продолжение кампании (с надбавкой за резвость); с другой стороны, кампания вроде кончилась. Газетчики захныкали и обратились в инстанции: аванс истрачен, но можем, дескать, отработать. Власти отмахнулись: не до вас, выкручивайтесь сами, как знаете. И вконец сбитые с толку щелкопёры понесли околесицу уже на собственный риск и страх.

Некоторые продолжали брехать по инерции. Другие успели перестроиться. Иные так уже изолгались, что окончательно потеряли чувство юмора. Пьер Тибо из «Франс суар» заявляет, например: дело Дюкло является «доказательством того, что во Франции можно арестовывать лидера коммунистической партии, не вызывая ни малейшего волнения в стране» (этому, видно, переплатили!). Лицемерие — врождённая черта характера жёлтых журналистов. «Все республиканцы, — с притворной весёлостью насвистывает обозреватель парижского радио, — выражают удовлетворение по поводу того, что французское правосудие является независимым». «Фран-тирер» по поводу этой непостижимой «независимости» проговаривается: «Если справедливо, что мы переживаем новую оккупацию, то следует признать, что эти оккупанты гораздо покладистее, чем первые». Шедевр сверхдобросовестного подхалимажа! В том ли дело, что американцы оказались «покладистыми»? А не в том ли, что французский народ оказался непокладистым?

Другой обозреватель парижского радио бесстрашно углубляется в джунгли юрисдикции. «Должна ли парламентская неприкосновенность иметь границы, и если да, то какие? Как следует формулировать понятие захвата на месте преступления?» — с понимающим видом вопрошает он самого себя и тут же стыдливо признаётся: «По правде говоря, эту проблему не легко разрешить в условиях демократического режима» (читай: «в условиях американского нажима»).

Дюкло освобождён. Министры шушукаются насчёт лишения его парламентской неприкосновенности. На стенах полицейских участков по утрам белеют надписи: «Попробуйте!»

Журналисты продолжают уныло злобствовать. Как гласит французская пословица: «A raconter ses maux souvent on les soulage»: рассказывая о своём горе, часто его облегчаешь.

А. ВИХРЕВ

НАЗНАЧЕНЬЕ ИЗВЕСТНО

В США вышла книга некоего Меррита под названием «Назначенье неизвестно», трактующая о «промышленном мире» между рабочими и предпринимателями и требующая дальнейшего ограничения прав профсоюзов.

Это хилое изданье
Появилось повсеместно
Под кокетливым названьем
«Назначенье неизвестно».

Автор этого трактата
Возвестил со знаньем дела,
Что в Соединённых Штатах
Волки сыты, овцы целы;

И рабам живётся сладко,
И хозяин тучен пузом,
А во всяких недостатках
Виноваты... профсоюзы.

Разогнать бы все их к чёрту!
То-то б жили славно, честно!

Книжиц этакого сорта
Назначенье всем известно...

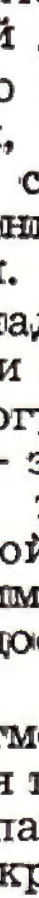
А. КРУТОВ

Павел КОГОУТ

Рис. В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

ПАН АЛЕКСАНДР возвращается

— ПОШЛИ! — сказал упрямый мужчина в пальто, подбитом мехом.

Преодолев последние колебания, путники свернули с шоссе на заснеженную тропинку, вьющуюся между редкими берёзками.

Упрямый мужчина именовался Александром Цедулей. В прошлом это имя, озарённое роскошью и блеском преуспевающего гранд-отеля на Шумаве, вызывало у собеседника ощущение чего-то возвышенного, благородного и т. п.

Времена эти, однако, давно миновали.

И всё же упрямо шагал берёзовой рощей пан Цедуля, ведя за собой на соответствующей дистанции супругу Иозефину, дочь Эльвиру и сына Игнаца. Сын наперекор ударившему морозцу снял перчатки и на ходу подкручивал свои выхоленные усики. Они стали ему особенно дороги с тех пор, как после четырёхкратного окончания первого курса его безвозвратно выставили из юридического института, то есть когда он понял, что только усики являются теперь единственным вещественным доказательством его высоких душевных качеств.

— Посмотри, Александр, какая прелестная пташка! — сказала пани Иозефина.

— Раньше их тут было больше, — процедил сквозь зубы мужчина в шубе, и на тропинке снова воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь скрипом снега.

Пани ещё раз попыталась развлечь мужа, заметив, что ручеёк восхитительно замёрз, но и на этот раз была опровергнута. Оказывается, ручеёк замерзал восхитительно лишь в те времена, когда Александр Цедуля владел гранд-отелем, к которому они сейчас приближались.

А теперь пора кое-что объяснить. Дело в том, что семейство Цедулевых, которое вот уже три года на вопросы знакомых о судьбе гранд-отеля отвечало: «Ах, невозможно себе представить, во что его превратили!» — захотело теперь посмотреть на знакомые места, чтобы уточнить, кем именно, когда и при каких обстоятельствах этот отель, лишённый отцовской опеки своего владельца, приведён в полный упадок.

Выбравшись наконец из лесу, семейство Цедулевых в немом изумлении воззрилось на гранд-отель, живописно расположенный на пологом склоне.

Склон звенел смехом и криками лыжников и любителей санок — мужчин и женщин, молодых и пожилых.

Пан Цедуля остановился и застыл на месте как вкопанный. На должной дистанции застыло семейство. После непродолжительного колебания к мужу приблизилась супруга Иозефина.

— Бога ради, Александр, что случилось?

— Ограду снесли, — мрачно сказал Цедуля.

— Что там, мама? — прошептала девица Эльвира.

Юный Игнац тупо молчал, хотя его вялый мозг всё-таки отметил, что забор действительно отсутствует. Способность к столь глубокому умозаключению наполнила его горькой гордостью: «они» когда-нибудь ещё узнают, какого великого юриста потеряли!

— Теперь каждый прямо в дом лезет, — злобствовал между тем Цедуля. — Представляю себе, что за разврат у них там!

Пани Иозефина также была потрясена. Её взволновала близость очага разврата (о разврате у неё, впрочем, были свои собственные представления).

— Ужасно! — всхлипнула она. — Могу себе представить! У нас тоже было весело, но такого мы не терпели. Вспоминаю, как в тридцать восьмом году у супруги фабриканта Раймана родился ребёночек. Вначале не знали, кто отец: пан коммерсант Фрейд или пан советник Сквостный? Намекали и на одного молодого кинорежиссёра — они однажды беседовали об искусстве. Ну, а потом мужчины договорились, и всё взял на себя сам супруг — пан фабрикант Райман. Пан же советник признал своим того ребёнка, что был у пана Раймана с его женой пани Сквостной, а остальные паны купили тому и другому ребёнку приданое. В те времена люди знали, что такое хороший тон!

По залу разливался мягкий свет. Там, где раньше был бар, сверкали теперь стёкла больших книжных шкафов.

Оказалось, что холл не пустует. В креслах сидели и читали две женщины. Младшая — в белом халате, старшая — в скромном костюме.

В то время как старшая приветливо поднялась навстречу пану Александру, спрашивая у него путёвку, Игнац занялся нежным творением в белом халате. Он подмигнул ей, и это не осталось незамеченным: девушка повернула голову и внимательно взглянула на него. Обрадованный первым успехом, Игнац стал яростно подмигивать ещё и ещё. Захлопнув книгу, девушка встала и многообещающе кивнула ему головой, определённо приглашая следовать за ней. Игнац прошёл вслед за девушкой в комнату, которая раньше служила местом отдыха для господ, утомлённых развлечениями в баре.

Девушка склонилась над стеклянным столиком, а когда подмигивающий интеллигент приблизился к ней, быстро и деловито промыла ему глаз раствором борной.

— Вам не следует ходить без очков по солнцу, — назидательно сказала она ему своим мелодическим голоском.

Игнац сообразил, что его неправильно поняли. Чтобы как-нибудь поправить дело, он начал лирически вздыхать и залихватски подкручивать ус. Девушка, заметив это, участливо спросила:

— И давно это с вами?

Цедя сквозь зубы отборные ругательства, Игнац ринулся наутёк. Семейство тоже отступало. Пожилая женщина объяснила им, что переночевать можно неподалёку в гостинице, а дом отдыха частных лиц не обслуживает. Они покинули отель в замешательстве и даже через главный вход.

— Каков сброд! — ворчал старший Цедуля. — Но кто же им так дело наладил? Кто-нибудь из бывших, самим куда уж!..

Не успел он, однако, высказать всего, что накипело у него на сердце, как навстречу показалась женщина в нарядной меховой шубке. Она направлялась в отель.

— Еленка! — воскликнула пани Иозефина. — Александр, посмотри, да это же наша судомойка! Так ты, Еленка, осталась здесь? Что поделываешь?

— Скоумалова, — сказала Еленка. — Моя фамилия — Скоумалова, пани Цедулева.

— Ага... Я не обратила внимания... то есть я не запомнила... Ты ведь служила у нас недолго — каких-нибудь пару лет... — смутившись, пробормотала пани.

— Бедняжка! — молвил пан Цедуля, который, по правде говоря, и не помнил её. — Так эти бродяги разрешили вам здесь остаться? Трудно, не правда ли? Не так шикарно, как прежде? А чаевые получаете?

— Нет, не получаю, — с грустно-лукавой усмешкой ответила Еленка.

— Ну вот, видите! — торжествовала пани Иозефина.

Между тем Эльвира размышляла, как бы ей через эту особу завязать знакомство с директором, чтобы прибрать гранд-отель к своим рукам.

— А кто теперь здесь директором? — вкрадчиво спросила она.

— Я, — ответила Еленка.

И у всего семейства мороз пробежал по коже.

— Но позвольте! — вскричал пан Цедуля. — Где вы этому выучились?

— На курсах, — ответила Еленка. — Если вам что-нибудь нужно, обращайтесь ко мне. Если нет, дорога к шоссе вам знакома, автобус будет через полчаса. Если не спешите, могу объяснить подробнее.

Семейство, однако, заспешило.

Перевод с чешского
(Из сатирического журнала «Дикобраз»)

В здание они вошли с чёрного хода, чтобы не видеть вывески «Профсоюзный дом отдыха».

Их охватило тепло центрального отопления, встретили пушистые ковры, свежевыкрашенные стены, увешанные картинами и фотографиями.

«Горы принадлежат трудящимся», — говорили лозунги.

— Горы могут принадлежать кому угодно, — зашипел пан Цедуля. — Горы у меня украли, но гранд-отель мой. Им здесь недурно живётся, им всё равно, ценою каких жертв достался он Александру Цедуле...

(Следует отметить, что гранд-отель достался пану Цедуле ценою обручения с пани Иозефиной.)

Пани приоткрыла двери в холл и затрепетала в предчувствии запустения. Вид холла, однако, поразил её. Исчезли рога, которые Александр Цедуля ежегодно покупал, чтобы потом рассказывать гостям душераздирающие подробности охоты.

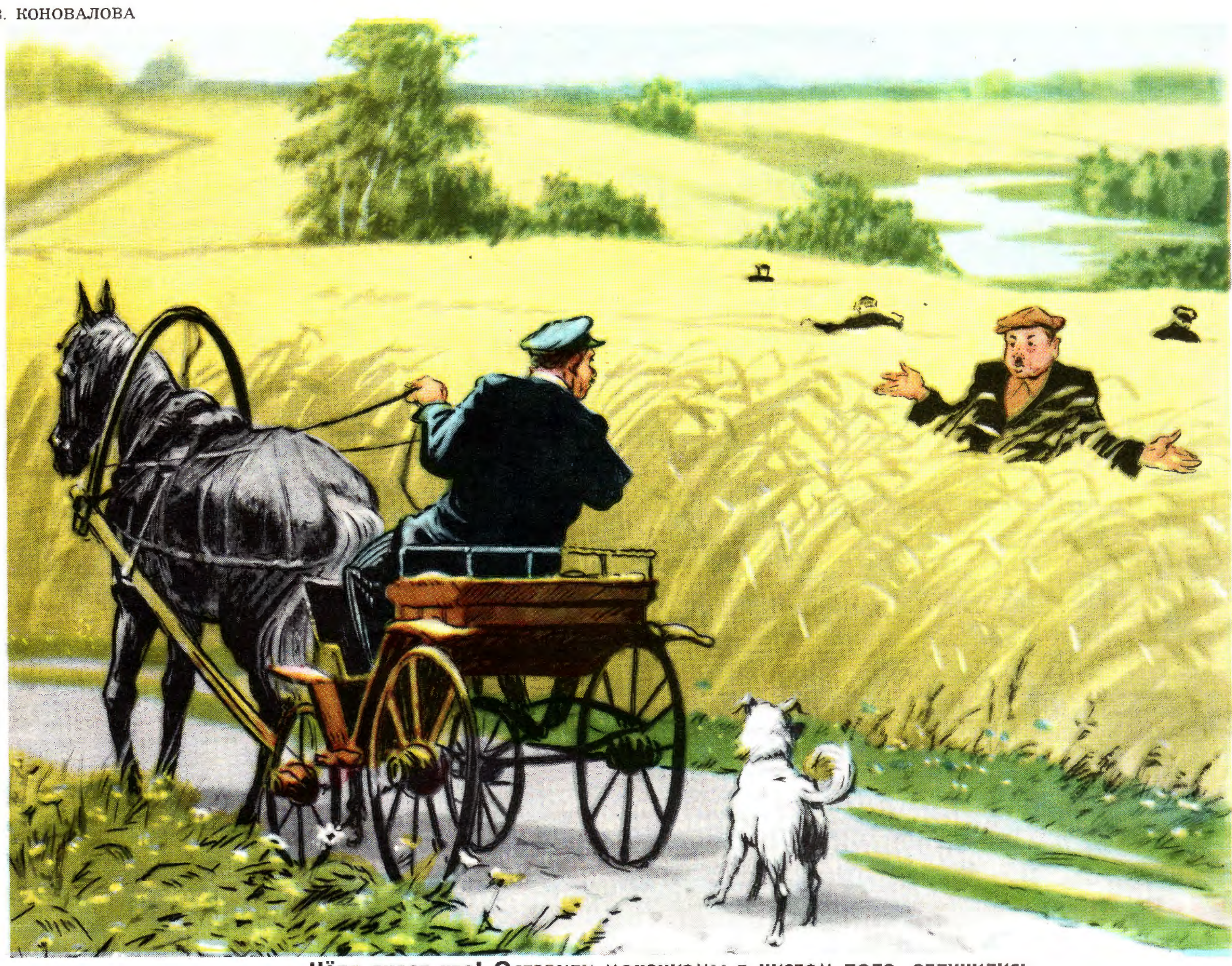

В бригаде Болбенкова Малороссийской МТС (Краснодарский край) царят беспорядок и неорганизованность.

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Чёрт знает что! Оставили механизмы в чистом поле, отлучились на время, а теперь ничего не можем найти!

КОГДА НАСТУПИЛО ЛЕТО

Председатель Николаевского городского комитета физкультуры и спорта тов. Юров доказывал:

— Спорт имеет жизненно важное значение для развития человека. Он закаляет тело и вселяет бодрость...

Но стоило нам заинтересоваться, как развит городошный спорт, и чело председателя омрачилось:

— Городки у нас — больной вопрос... Вот если бы вы до войны... Тогда мы бы... вам бы...

Короче говоря, оказалось, что сейчас секция городошников даже не существует.

— Но,—приободрился тов. Юров,— выполняя план, мы всё же подготовили двадцать трёх судей по городкам.

— Кого же они будут судить?

А судить-то некого!

Недавно спортивное общество «Динамо» проводило в Николаеве республиканское соревнование по гребле. Ответственный секретарь совета общества «Динамо» тов. Орлов развернул бешеную подготовку и «загрёб» лучших гребцов на денёк—другой из соседних спортивных обществ.

Сколоченная с миру по нитке команда «завоевала» победу. Но нитки оказались больно тонкими, и когда стали выяснять, сколько же в конце концов подготовили мастеров по гребле за три года, выяснилось, что хвастать, собственно, нечем. Точнее, все николаевские спортивные базы, вместе взятые, не дали ни одного мастера.

Кто же виноват в этом? Виновник нашёлся: это было... весло.

— Всё дело в вёслах, — сокрушённо заявил председатель комитета физкультуры. — Было бы больше вёсел, мы бы разве так...

И это в городе Николаеве, окружённом с трёх сторон водой!

В. ПОДОЛЬСКИЙ

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ПОПРАВКИ К ПОПРАВКАМ

Двадцать третий номер токаревской районной газеты «Голос колхозника» (Тамбовская область) был украшен снимком. Подпись под ним гласила:

«Пятый год Надежда Васильевна Соловьёва работает звеньевой свекловичного завода в колхозе «Память Ильича...» На снимке Н. В. Соловьёва».

Колхозники посмотрели на фото и удивились. С газетной полосы на них смотрело чьё-то знакомое лицо, но это была не Надежда Васильевна. Спросили у редактора С. Г. Астафурова, в чём дело. Он подумал неделю и сообщил дотошным читателям:

«...Подпись следует читать так: Более пяти лет работает дояркой на молочно-товарной ферме колхоза «Память Ильича» Екатерина Юрина. На снимке Е. К. Юрина».

Прочитали колхозники поправку и ещё больше удивились. Они знали, что Екатерина Константиновна Юрина работает дояркой не пять лет, а двенадцать. Может быть, речь идёт о другой Юриной?

Но теперь читатели не настаивают на новой поправке, опасаясь, как бы не пришлось затем давать к ней ещё одну поправку.

БЕСТАКТНЫЙ ЛОКОМОТИВ

С оригинальным трактором пришлось столкнуться косогорской районной газете (Тульская область) «Голос стахановца». Об этом взволнованно рассказывается в заметке «Механизаторы подводят»:

«Тракторист... был уверен в перевыполнении своей нормы. И действительно, локомотив шёл плавно, оставляя за собой засеянную площадь. Но вдруг он вздрогнул и, словно присев на одно колено, заурчал бестактно, сердито».

Вот какие коленца выкидывает этот трактор (он же локомотив!)! Интересно: по своей охоте или по воле редакции газеты?

ЛЕКТОРЫ-РЕКОРДСМЕНЫ

Из Москвы на Урал приехал лектор. Взглянул он на красоту местной природы, на окружающую благодатную обстановку и вдохновился. Вдохновился и молвил:

— Вот это просторы, вот это раздолье!..

Обуреваемый кипучей энергией, лектор тотчас же пустился путешествовать по уральским городам: из Челябинска в Магнитогорск, из Магнитогорска в Карталы, из Карталы в Троицк. И на всём своём пути лектор декламировал:

Тёркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Читатель спросит: при чём же здесь «Василий Тёркин»? Да всё дело в том, дорогой читатель, что лектор Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний тов. Елисеев путешествовал по Уралу со своей лекцией о творчестве поэта Твардовского. За двадцать дней он выступил с лекцией 46 раз. В иные дни лектор ухитрялся выступить по три — четыре раза. Поэтому не удивительно, что под конец у лектора хватало духа только на то, чтобы продекламировать отрывки из поэмы Твардовского «Василий Тёркин». И очень подходят к этому случаю заключительные стихи из знаменитой поэмы, если их отчасти переиначить:

Эту лекцию про бойца
Он... «и начал с середины
И закончил без конца».

В. ГРАНОВ

ШКАФ С МУЗЫКАЛЬНЫМ ЯЩИКОМ

Я приобрёл шкаф мебельной фабрики № 2 (Москва, директор—тов. Скобелев). Не прошло и месяца, как шкаф начал трещать вроде старого музыкального инструмента. Блестящая полировка отскочила. Пришли мастера с фабрики и кое-как залепили трещины. Но через месяц шкаф пришёл в прежнее состояние.

Н. ФРАНГУЛОВ

Москва.

Так шкафы́ в наши дни
Выпускают они
С блеском.
Стукнул месяц — и вот
Шкаф концерт задаёт
С треском.
А владельцу невмочь:
Шкаф тревожит всю ночь
Спящих.
И всего лишь квартал
Шкаф «играл» — и сыграл
В ящик!

СКВОЗЬ ТУМАН...

Завод дорожных машин (г. Кременчуг) вместе с канавокопателем прислал нам инструкцию и паспорт на него. В чертеже ничего нельзя разобрать.

Директор Заонежской МТС ПАВЛОВ

Карело-Финская ССР,
Заонежский район.

Такой чертёж в руках держа,
Увял заказчик от кручины:
На кальке вместо чертежа
Одни туманные картины.

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Начальник нашего радиоузла тов. Еремин был крайне удивлён, получив от директора радиотрансляционной сети Эстонской ССР тов. Рябова документ: «Колхоз считается радиофицированным, если в колхозе имеется хотя бы один радиоприёмник или радиоточка».

Л. РЯХОВСКИЙ

г. Кохтла-Ярве,
Эстонская ССР.

...Мы ждём, что Рябов обнародует приказ
И полетит в эфир загадочная строчка:
«Хотя одна лишь точка значится у вас,
Считать заданье выполненным.
Точка».

ТОВ. МИУСКОВ И ГУСИ

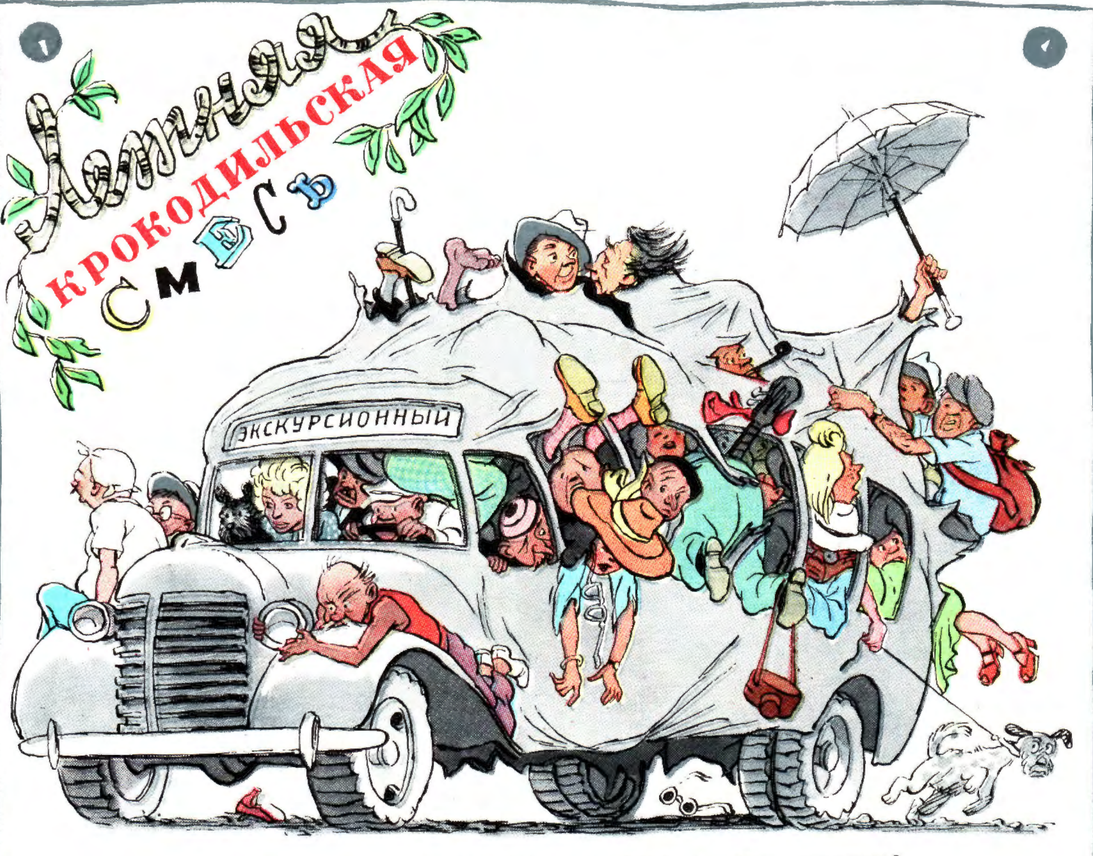
Бригадир птицефермы тов. Фисенко в докладной записке на имя директора совхоза тов. Миускова просила отпустить кирпич, чтобы оборудовать печку в помещении для гусей, которые начали кладку яиц. Эта записка в течение недели путешествовала по совхозу и обросла резолюциями.

Секретарь парторганизации Краснопольского совхоза В. БАРСУКОВ

Воронежская область,
Воробьёвский район.

Степенный Гусь задал вопрос Гусыне:
— Поскольку графики на ферме не висят,
Не скажешь ли, как долго будешь ныне
Высиживать своих гусят?..
Из глаз Гусыни слёзы льются,
И был ответ её таков:
— Я жду, покамест Миусков
Не высидит... полсотни резолюций!..

Рис. И. СЕМЕНОВА

— В нашем доме отдыха так тесно, что здесь я просто отдыхаю!

МНИТЕЛЬНАЯ НАТУРА

— Тьфу!.. И тут мне насолили!..

— В такой очаровательный вечер, Иван Петрович, не хочется говорить ни о чём неприятном... Не хочется, например, вспоминать, что вы развалили работу предприятия, зажимаете самокритику, любите подхалимаж, окружили себя роднёй, пишете очковтирательские отчёты...

— Анна Петровна, дорогая, умоляю вас, не губите!.. Не опаздывайте на работу, не срывайте трудовую дисциплину!

ПОБОРНИК ИСТИНЫ

В ПОЛНОЧЬ к Абраму Львовичу нисходит вдохновенье. Он выпивает стакан чаю с лимоном и садится к столу. Перо его берёт старт и устремляется вперёд, как опытный бегун на дальние расстояния. Он пишет, пишет, пишет...

А. Л. Вельтман не прозаик, не поэт, он начальник отдела снабжения Московской консерватории. Его творения отнюдь не призваны пополнить золотой фонд литературы: они образуют его собственный тщательно оберегаемый фонд.

На письменном столе труженика лежат папки, набитые бумагами, бумажками, бумажонками. Они разнообразны по содержанию, но все направлены к одной цели: бросить густую тень на людей, ему неугодных, и вместе с тем показать миру его собственную прекрасную душу и кристально чистую совесть.

— У меня не простая совесть,— говорит Абрам Львович,— а совесть повышенного типа. Как только она во мне проснётся, как только заговорит, боже мой, что со мной делается! Я становлюсь как тигр или что-то в этом роде. Где бы ни скрывалось зло, я его найду и разоблачу!

И он разоблачает.

Секретный фонд обличительных документов Абрама Львовича содержит: 1) жалобы, 2) заявления, 3) донесения, 4) отношения, 5) опровержения, 6) просьбы обыкновенные и просьбы с угрозами, 7) перечни преступлений различных сотрудников с приложением статей УК, по которым данные лица должны привлекаться к ответственности. Обличительный фонд содержит также выписки, копии, справки, протоколы, резолюции и т. д.

В целях лучшей ориентации обладатель фонда разбил его на отделы, подотделы и секторы. У него, например, есть отдел лихоимства, сектор подхалимажа, подотдел кумовства. Он может доказать в мгновенье ока, что Икс доводится Игреку двоюродным кумом и ходит к нему пить чай. Да и только ли чай?

— Знаем мы этот чай! — шипит благородный обличитель.

Как ядовитый болотный туман, поднимается над его письменным столом душное облако склоки, кляуз, клеветы. Облако ползёт по консерватории, просачивается в учебные кабинеты, классы, мастерские. Люди подавлены. А Вельтман ходит гоголем и поёт дифирамбы собственной совести. Ах, и до чего же хороша у него совесть, совесть повышенного типа! И чуткая она, и чистая, и неподкупная!

Но, странное дело, чем громче кричит о ней составитель кляузных бумажонок, тем меньше ему верят. Да и трудновато верить! У рьяного поборника истины совесть весьма покладистая, так сказать, со всеми удобствами.

Отдадим должное Абраму Львовичу: он осторожен, не всё в его писаниях ложь и клевета. О нет! Он так ловко комбинирует факты с вымыслом, что на бочку дёгтю, т. е. лжи, добавляет и ложку мёду, т. е. правды. Что же получается?

В работе хозяйственной части консерватории кое-когда случались и неполадки, о которых отлично знал начальник отдела снабжения, знал и молчал. Молчал до тех пор, пока не было затронуто его личное самолюбие: он получил строгий выговор с предупреждением за бездеятельность.

— Ах так! — злорадно воскликнул защитник правды и тут же извлёк на свет божий объёмистую тетрадь, в которой была запечатлена до мелочей вся деловая и частная жизнь заместителя директора по хозяйственной части, наложившего на Вельтмана взыскание.

И тут оказалось, что поборник истины, очевидно, в предвидении будущей обиды по собственному почину и как будто бы без всякой надобности три года ходил по пятам за своим начальником и, по собственному признанию, «записывал каждый его шаг». Просто так, на всякий случай!

Вот случай и представился. Годами дремавшая совесть Абрама Львовича вдруг очнулась, как ужаленная, и заговорила. Да как заговорила! Заместитель директора обвинялся им уже не только в хозяйственных неполадках, а, ни много, ни мало, в... воровстве. Тревожные сигналы Вельтмана, его жалобы и заявления, разосланные всюду, возымели действие. Их тщательно проверяли. Но ни специальная комиссия, два месяца работавшая в консерватории, ни Комитет по делам искусств СССР, ни прокуратура Краснопресненского района не обнаружили никаких хищений.

Главный бухгалтер консерватории уличил правдолюбца в срыве хозяйственной деятельности, в представлении недобросовестного денежного отчёта и других темноватых делишках. Всполошился правдолюбец! Немедленно началась баталия с бухгалтером.

Захóдите вы в консерваторию, Вельтман хватает вас за пуговицу и тащит к окну.

— Посмотрите-ка во двор! — таинственно шепчет он тоном доморощенного Шерлока Холмса.— Вы видите этот кошмар? Что? По-вашему, это просто фанерный ящик? — От полноты чувств у поборника истины перехватывает дыхание.— Нет! Этот ящик в дождливую погоду надевается на кузов машины, в которой члены рыболовно-охотничьего кружка, в том числе и бухгалтер, выезжают за город удить рыбу. Ох, рыбка, рыбка! Я, знаете, уже всюду сигнализировал. Следствие вот-вот начнётся. Крупное дело!

И Абрам Львович шуршит страницами Уголовного кодекса, затевая пустопорожнее дело о фанерном ящике.

Всякий, кто с ним не согласен, немедленно подвергается опорочиванию. Вельтман нагло дискредитирует дирекцию консерватории, бросает комья грязи в руководителей партийной организации, во всех, кто разглядел под маской правдолюбца его подлинное лицо интригана и склочника.

А вот когда стали проверять его собственную работу, что тут было с обличителем неправды! Он так и вскинулся, задрожал даже:

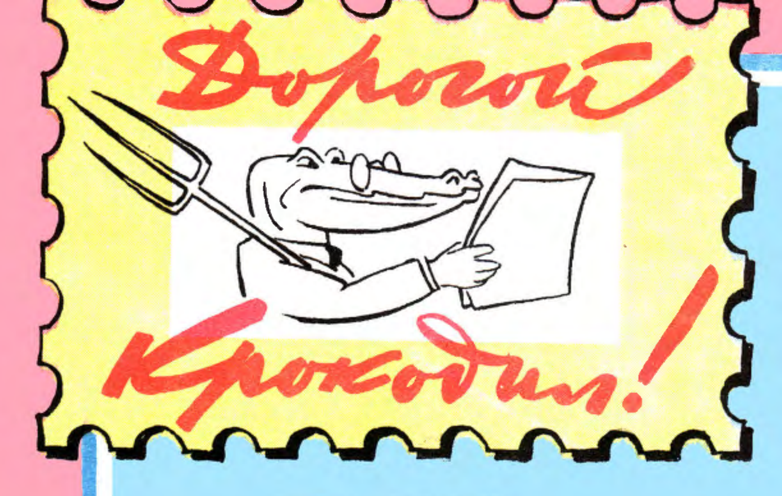
— Какая работа? О чём вы говорите? Я обличаю, я разоблачаю, я жуликов вывожу на чистую воду! Вот они все здесь у меня сидят!

И он показывает на свой кляузный архив...

Гудит набат, а пожара нет. Но многие честные доныне имена покрыты грязью. Немало времени, трудов, сил положено советскими работниками, чтобы разобраться в затеянной Вельтманом махровой склоке.

А он продолжает драпироваться в тогу благородного поборника истины!

О. ПОЗДНЕВА

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

На складах материально-технического снабжения Уфимской железной дороги (начальник — тов. Кривошеев) находится большое количество неходовых и сверхнормативных материалов на сумму свыше миллиона рублей. Некоторые материалы лежат на складах с 1942 года.

Д. ЕГОРОВ

Уфа.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Проект памятника.

Дорогой Крокодил!

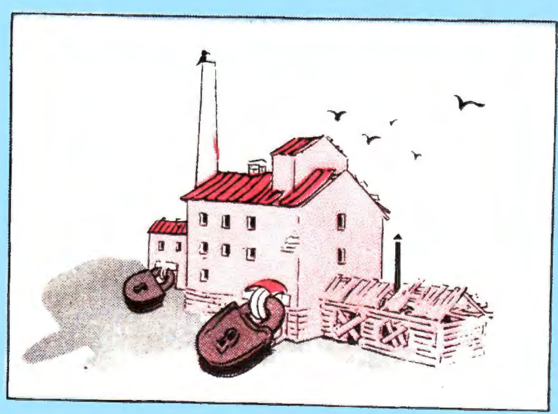
В октябре прошлого года в нашем селе сломалась мельница. Мукомольное управление Ставропольского края до сих пор не приняло мер к её ремонту. Колхозники отвлекаются от уборки и ездят на другие мельницы, чтобы смолоть зерно.

Н. ПОСТОВАЛОВ,
председатель колхоза имени Октябрьской революции.

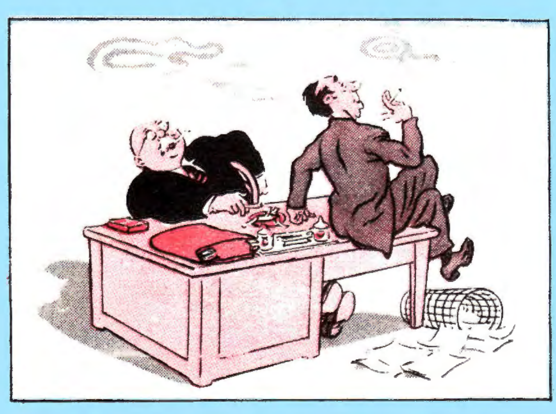
Село Чернолесское,
Ставропольского края.

ПЕРЕМЕЛЕТСЯ—МУКА БУДЕТ

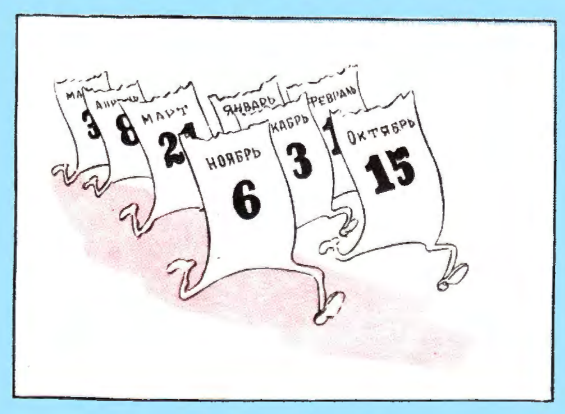
Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Мельница стоит.

В мукомольном управлении сидят.

А время бежит.

Товарищ Крокодил!

Выручи, пожалуйста, из беды жителей посёлка Домачево, вынужденных ездить за пятьдесят километров в г. Брест бриться, стричься и фотографироваться. К сожалению, в нашем районном центре отсутствует фотография, а единственная парикмахерская работает, как правило, с двух—трёхмесячным перерывом. А в настоящее время она вовсе закрыта на неопределённый срок.

В. РОМАНОВ

Посёлок Домачево,
Брестской области.

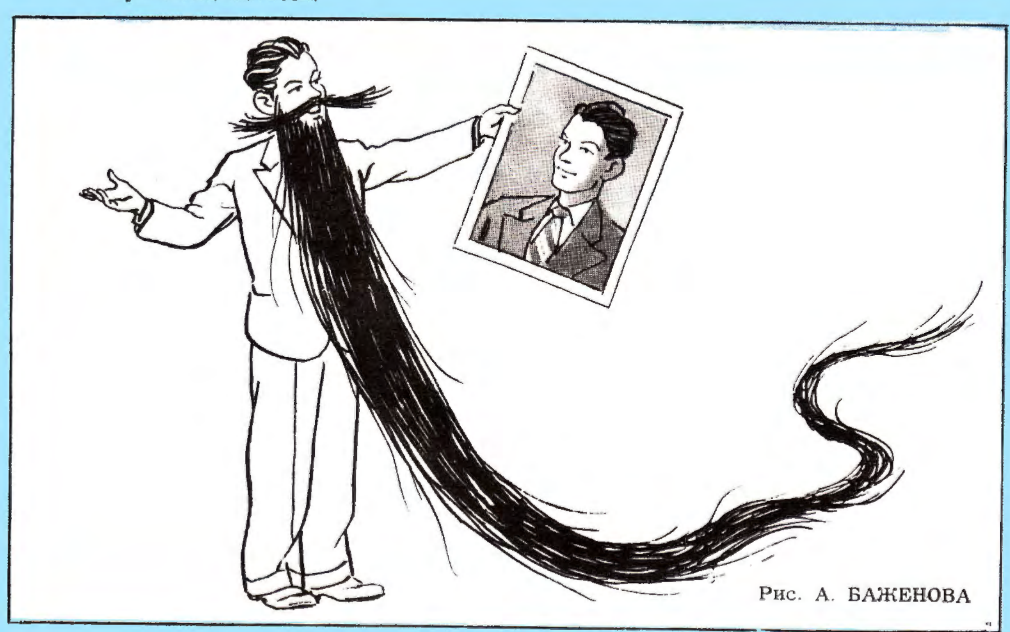

Рис. А. БАЖЕНОВА

ДОРОГО КАК ПАМЯТЬ

— Мне это фото очень дорого! Оно напоминает мне далёкие дни, когда у нас в Домачеве были фотография и парикмахерская!

Дорогой Крокодил!

Лесной парк возле Лесотехнической академии в Ленинграде находится в запущенном состоянии. Из-за отсутствия надлежащего ухода в нём гибнут деревья, многие из которых достигли двухсотлетнего возраста. Работники академии не принимают достаточных мер к сохранению парка.

Г. КАЛИНИНА

Ленинград.

Рис. Л. ГЕНЧА

Из-за Лесотехнической академии парка не видно.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 575. Подписано к печати 12/VII 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04439. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1817. Тираж 300 000 экз.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Выкормыш Уолл-стрита.